

МАСТЕРА
ЧИСТО

JOHN AJVIDE LINDQVIST

RÖRELSEN:
DEN ANDRA
PLATSEN

МАСТЕРА
ЧУЖАСОВ

ЙОН АЙВИДЕ ЛИНДКВИСТ

ДВИЖЕНИЕ

МЕСТО ВТОРОЕ

ПЕРЕВОД СО ШВЕДСКОГО
ЯНЫ БОЧАРОВОЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)
Л59

Серия «Мастера ужасов»

John Ajvide Lindqvist
RÖRELSEN:
DEN ANDRA PLATSEN

Published by agreement with Ordfronts Förlag, Stockholm,
Copenhagen Literary Agency, Copenhagen and Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency, Malmö

Перевод со шведского: *Яна Бочарова*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Линдквист, Йон Айвиде

Л59 Движение. Место второе / Йон Айвиде Линдквист.—
Москва: Издательство АСТ, 2020.— 444, [2] с.— (Масте-
ра ужасов).

ISBN 978-5-17-115250-5

В сентябре 1985 года юный Йон Линдквист, будущий писатель, приезжает в Стокгольм. Он хочет стать фокусником и снимает квартиру в ветхом здании рядом с Брункебергским туннелем. Довольно скоро он понимает, что с его новым домом творится что-то странное: ему постоянно кто-то звонит и спрашивает одного и того же человека, в квартире невозможно слушать музыку, так как порой из магнитофона доносятся зловещие звуки, птицы падают с неба, соседи ведут себя подозрительно, а в туннеле неприятно ходить, словно за прохожими из стен следит что-то живое. И вскоре Йон, сам того не желая, столкнется с иным миром, миром бескрайней зеленой равнины и неба без солнца, откуда приходят настоящие чудовища.

© John Ajvide Lindqvist, 2015

© Яна Бочарова, перевод, 2020

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Магнусу Бодину и Карлу-Эйнару Хэкнеру
В реальности вы были в фантазиях

СНАРУЖИ

Прислушайся к движению.
*Совет, который Tage Эрландер
дал своему преемнику
Улофу Пальме, 1969*

В Стокгольме на улице Лунтмакаргатан, 14, в окружении других домов стоит маленький домик, флигель. Когда я переехал сюда в сентябре 1985 года, мне было девятнадцать лет. Это было мое первое отдельное жилье, а вырос я в Блакеберге, на улице Ибсенгатан, где жил с мамой. К тому времени я уволился из школы продленного дня для младших школьников, где работал с тех пор, как окончил старшую школу, и даже расстался со своей первой и на тот момент единственной серьезной любовью — девушкой, с которой познакомился за несколько месяцев до этого.

Я переехал в город, чтобы впервые всерьез вступить во взрослую жизнь. Планировал зарабатывать на жизнь фокусами. За лето накопил начальный капитал — двенадцать тысяч крон — выступая на улицах в Старом городе и в парке Кунгстрэдгорден. Этого хватило на четыре месяца аренды квартиры.

Три тысячи крон за дом в центре — на первый взгляд большая удача, но это был вовсе не сказочный уголок в стиле Астрид Линдгрен, как могло бы показаться, а просто кирпичная коробка

Снаружи

9

площадью двенадцать квадратных метров, куда почти не попадал дневной свет. Дом не был предназначен для проживания, и арендовать его приходилось не вполне официально. Договора я не подписывал.

Когда я пришел посмотреть дом в первый раз, моему взору открылся огромный письменный стол темного дерева, который занимал пятую часть помещения. На столе стоял потрепанный телефонный аппарат. По полу были разбросаны бумаги и лотерейные билеты, а сам пол был покрыт грязно-серым ковролином. Мне так и не удалось понять, чем занимались предыдущие жильцы, но тесное прокуренное пространство вызывало ассоциации с какой-то мелкой уголовщиной. Мужчины в потрепанных костюмах, переполненные пепельницы, и невнятное, отрывистое бормотание в замурзанную телефонную трубку.

В доме была раковина и плитка на две конфорки, но душа не было. В туалете размером два на два были унитаз без стульчака и умывальник с коричневыми разводами.

Как мне объяснили, душ был в прачечной общего пользования. Душ и ванна. Хоть дом и выглядел уныло, что-то в нем было притягательное, так что я въехал туда не откладывая.

Тридцать лет спустя я диву даюсь, в каких тяжелых бытовых условиях мне пришлось тогда прожить осень и зиму, но в молодости все пред-

ставляется совершенно иным. Взор направлен в пока еще не ясное, но многообещающее будущее, а грязь и темнота дня текущего представляются просто временной трудностью. Есть же люди, которым еще тяжелее.

Я должен был стать фокусником. Я занимал неплохие места в соревнованиях в Швеции и в Скандинавских странах, у меня были визитки и рекламный буклет, и реквизит у меня тоже был. Но вот чего не было, так это достаточного количества выступлений, чтобы прокормиться. Переезд в центр был одним из элементов, призванных переломить эту ситуацию.

События, которые произошли за те почти шесть месяцев, что я прожил в своем флигеле, швырнули мою жизнь совершенно в другом направлении, да еще и заставили меня начать писать рассказы в жанре ужасов. Мы еще к этому подойдем.

* * *

Основное воспоминание о том периоде — это темнота. Мне все время приходилось бодрствовать в темноте. Частично из-за особенностей расположения дома, а частично из-за моего режима сна.

Здание стояло посреди узкого двора, куда практически не попадал солнечный свет. Так как все эти дома на четыре квартиры были построены

Снаружи

11

там, где Брункебергская гряда шла под уклон, между входами в квартиры была разница в уровнях, и в две из них нужно было подниматься по лестнице, которая шла вдоль стены моего дома. Любой человек, который шел по лестнице, сразу мог заглянуть в мою каморку. Сейчас я бы купил тонкие занавески, чтобы отгородиться от взглядов, но в то же время не мешать тусклому дневному свету проникать в жилище. В свои девятнадцать лет я просто опускал жалюзи.

Все осложнялось тем, что я был и остаюсь полуночником. Нередко только в три или четыре утра я раскладывал матрас, стелил на него постельное белье и спал до двенадцати дня.

Пока я пил кофе и завтракал за письменным столом, проходило время, и иногда я выходил из дома только к двум часам дня, а зимними месяцами в это время уже начинает темнеть. Я довольствовался светом уличных фонарей и витрин, а когда был дома, то лампой дневного света — она заливала двенадцать квадратных метров холодным белым светом. Чаще всего я просто включал настольную лампу и проводил дни в полутьме.

Даже район по соседству отложился у меня в памяти как пространство, которое всегда было в тени. Когда я покидал свою хибару, то выходил через дверь на лестничную площадку с темно-серыми мраморными полами и коричневыми стенами, а потом, через внешние ворота, — на улицу Лунтмакаргатан. Несколько шагов вниз

Йон Айвиде Линдквист. ДВИЖЕНИЕ

по пригорку — и я на улице Туннельгатан. Слева от меня по улице Свеавэген струился поток огней и автомобилей, а справа был въезд в Брункебергский туннель.

Мне еще придется вернуться к Брункебергскому туннелю в своем рассказе, но пока скажу только, что туннель, прорытый сквозь гряду, прилегал к зданию, частью которого был мой дом. На данный момент этого хватит. Мой обычный маршрут пролегал в другом направлении, вдоль узкого прохода улицы Туннельгатан среди слепых фасадов без окон. Там все время было влажно, и вода сочилась сквозь швы брусчатки. Пятьдесят шагов — и я оказывался у витрины магазина художественных принадлежностей «Декорима», подсвеченной мягким светом.

Еще оставалось полгода до того дня, когда фотографии этого места разлетелись по телеграфным проводам по всему миру, и меня самого начали разыскивать, но уже тогда я чувствовал: есть что-то особенное в этом месте, где теперь бронзовая табличка напоминает об убийстве премьер-министра Швеции Улофа Пальме.

Я часто там останавливался — то ли потому, что после прохода по темным галереям выходил на свет города, то ли потому, что этот мало-значительный перекресток представлялся мне квинтэссенцией *Стокгольма*.

Если бы ко мне подошел какой-нибудь турист, насмотревшийся городских достопримечатель-

Снаружи

13

ностей и наделавший фотографий отражения Городской ратуши в водах озера Меларен, видов с моста Вэстербрун и с палубы парома в Юргорден на фоне холмов района Сёдермалм, и спросил: «Куда мне сходить, чтобы открыть для себя настоящий Стокгольм за пределами музея «Васа» и Старого города?», я бы, скорее всего, ответил: «Встаньте на пересечении улиц Туннельгатан и Свеавэген. Замрите. Осмотритесь. Прислушайтесь. Подождите. Теперь можете ехать домой и рассказывать, что побывали в Стокгольме».

Все находится рядом, хотя само по себе это место ничего из себя не представляет. Оттуда можно пройти к станции метро «Хётorget», виден голубой фасад концертного зала, а за ним — стеклянная стела на площади Сергельс-торг. За твоей спиной Брункебергский туннель, который соединяет районы Норрмалм и Эстермалм, а прямо рядом с тобой пульсирует перекресток главных городских артерий Кунгсгатан и Свеавэген. Там, где ты стоишь, ничего не происходит, но стоит только пройти несколько шагов в любом направлении — и все случится. Ты в центре оси.

* * *

Когда я переехал в свой флигель, оставалась неделя до выборов, и по всему городу были развешаны плакаты с портретами людей, которым было что сказать. Портреты яппи, который

Йон Айвиде Линдквист. ДВИЖЕНИЕ

сидит в спортивном автомобиле и хочет навести порядок в экономике, и подобных ему персонажей. Право впервые голосовать на выборах я получил еще до отъезда из Блакеберга и планировал отдать свой голос за социал-демократов. Отчасти потому, что еще дома симпатизировал левым, отчасти потому, что альтернативные варианты казались отвратительными. Что-то с этими буржуазными мордами было нечисто, а Пальме оставался Пальме.

Сначала темнота не имела значения. Был сентябрь, стояло бабье лето, и у меня был медовый месяц с городом, куда я устремлялся за светом и воздухом. Я проводил дни, слоняясь по округе, или никуда не ходил. Обычный житель Стокгольма.

Я захаживал в кондитерскую в башне Кунгстурнет, пил там кофе с молоком, читал Стига Дагермана и интересничал. А иногда часами простаивал перед экранами в музыкальном отделе универсама «Оленс» и смотрел клипы Мадонны, «Уэм» и «А-ха». В том же отделе я иногда воровал пластинки: выносил их, прикрыв рукой. По вечерам и по ночам занимался фокусами.

В конце сентября в Копенгагене должен был начаться конкурс иллюзионистов всей Скандинавии, и я задался целью занять первое место в категории микромагии — фокусов в прямом контакте со зрителем. Победа в конкурсе украсила бы мое резюме, если бы мне пришлось

Снаружи

15

